

УДК 930 (571.53)

Иркутская область в годы Великой Отечественной войны: история региона в документах и свидетельствах

А.В. Шалак

Байкальский государственный университет, ул. Ленина 11, Иркутск, Россия
Shalak-av@isea.ru

Статья поступила 25.04.2016, принята 29.05.2016

Рецензируется сборник документальных материалов, отражающих историю Иркутской области в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются архивные документы, которые позволяют во многом по-новому оценить социальную историю региона. Актуализируются исследования малоизученных проблем социальной политики в годы войны, в частности, механизмов распределения товаров и услуг, организации всевозможной социальной помощи, каналов ее поступления и осуществление учета, влияние природно-географических факторов на социальное положение населения, вопросы социальной дифференциации населения в годы войны.

Ключевые слова: Иркутская область; война; население; социальная политика.

Irkutsk oblast during the Great Patriotic war: regional history through documents and evidences

A.V. Shalak

Baikal State University; 11, Lenin St., Irkutsk, Russia
Shalak-av@isea.ru

Received 25.04.2016, accepted 29.05.2016

The article reviews a collection of articles that reflects the history of Irkutsk oblast during the Great Patriotic War through documents. It also considers archive materials that evaluate social history of the region from new perspective. Moreover, the article focuses on a number of understudied questions of social policy during the war, such as studying of the distribution process of services and goods, organization of social aid and the incoming ways to receive and control it, influence of social and geographical factors on social conditions of the population, and problems of social differentiation during the war.

Key words: Irkutsk oblast; war; population; social policy.

Изданный сборник документов по истории Иркутской области периода Великой Отечественной войны* является третьим подобным изданием за послевоенные годы. Каждое из них отражает не только веяния своего времени, но и субъективный подход его составителей к документальному подбору событийного ряда.

Первый сборник, изданный к 20-летию Победы, не мог выйти за определенные рамки, поскольку они ограничивались партийными оценками, и документы отражали главным образом героические усилия населения, патриотические начинания, помощь фронту, социалистическое соревнование за досрочное выполнение всевозможных планов и обязательств и т. д. Все это имело место, однако подобная подборка документов не являлась калькой сложных социально-

* Иркутск на фронте и в тылу (по материалам ГАНИИО): сб. документов / под ред. С.И. Кузнецова, Ю.А. Петрушина. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015. 496 с.

экономических процессов в регионе. Документально отразить историю области периода Великой Отечественной войны, в конечном итоге, то, из чего вырастала великая Победа, — дело совсем непростое. И в данном случае составители сборников, приступая к такой работе, возлагают на себя большую ответственность.

Сегодня, когда сняты ограничения на публикацию материалов, субъективное и во многом идеологизированное восприятие советского режима часто доминирует над его объективным осмыслением. Читателю навязываются определенные оценки на основе соответствующего подбора материалов. Это особенно характерно для различных тематических документальных сборников 1990-х гг.

В данном случае составителям удалось избежать крайностей и, с нашей точки зрения, весьма удачной подборкой разноплановых документов отразить содержание социально-политических, экономических, культурных процессов в регионе в годы войны. Новый сборник будет внимательно прочитан всеми, кто интересуется историей родного края.

В изданном сборнике документальное повествование начинается с 1940 г. Создание предвоенного фона очень важно, поскольку читатель получает представление о перспективах и планах развития области накануне войны, общественно-политической атмосфере в регионе. Составители решили открыть публикации постановлением бюро Иркутского обкома партии об ошибках в газете «Восточно-Сибирская правда». В нем приводятся различные примеры, некоторые из них носят характер казусов. В частности, в номере газеты за 25 января 1940 г., в отчете о «траурном заседании, посвященном 16-й годовщине со дня смерти В.И. Ленина», была такая фраза: «Поэтому так убедительно и радостно звучит скромный лозунг на красном кумаче, украшающий сцену: Ленин умер, но дело его живет и будет жить вечно». Как следует из постановления, за эти и другие «политические ошибки» никого не «казнили», даже выговор не объявили. Бюро указывает главному редактору газеты на необходимость построить работу таким образом, чтобы избегать подобных «политиче-

ских ошибок, оговорок, неточностей и просто опечаток» (с. 20-21. — *Здесь и далее ссылки на рецензируемый сборник*). Это лучше всего опровергает различные спекуляции о жесточайшей цензуре и т. п., поскольку даже к подобного рода промахам работников партийной прессы отношение власти вполне лояльное и разумное.

В публикуемой докладной записке председателя областной плановой комиссии раскрываются грандиозные планы развития народного хозяйства Иркутской области на ближайшие 10 лет. Они, в частности, предусматривали строительство первой гидроэлектростанции на Ангаре. Из-за войны реализация этого проекта задержалась почти на 20 лет. Для обоснования и детальной проработки планов на вторую половину 1941 г. было запланировано проведение научной конференции по изучению производительных сил Иркутской области с привлечением крупнейших специалистов и ученых из Москвы и Ленинграда (с. 24).

Как повествуют документы, область готовилась к реализации больших перспективных планов, тон постановлений органов власти вполне мирный, рутинный, отличный от тех решений, которые начинают приниматься с началом войны. Такой подход к документальному отображению истории региона представляется удачным, позволяющим уловить контрастность перемен в регионе, вызванных войной.

Объявление войны люди восприняли серьезно и ответственно. В регионе прошли митинги и совещания, на которых принимались резолюции с выражением поддержки государству и готовности сделать все возможное для разгрома врага. Никаких стихийных митингов не было, все они проходили под контролем партийных комитетов. Об этом свидетельствуют информация райкомов партии, политотделов о проведенных мероприятиях и характер принятых резолюций. В них приводятся примеры и откровенно антисоветских заявлений, которые также имели место. В справках фиксируется, что такие высказывания носят единичный характер, а их носители квалифицируются «политическими уродами» (с. 40-41, 46).

Весьма интересны первые информационные зарисовки, поступающие в райкомы

партии из трудовых коллективов. Акценты в них начинают расставляться с началом войны по-иному: «антисоветской практикой» становится самовольная поездка на рынок для реализации продукции, полученной с огорода, «вредительством» — низкая упитанность овец у чабана и т. д. (с. 46). В течение войны подобные риторика и практика только ужесточаются, а затем будут пролонгированы и на послевоенный период.

Документы сборника традиционно отражают перестройку работы органов власти, трудовых коллективов на военный лад. В эту работу включаются школьники, женщины-домохозяйки, выходят на работу инвалиды войны, причем некоторые отказываются от пенсии. В иркутском аэроклубе увеличивается набор курсантов, предприятия подключаются к выполнению заданий, связанных с производством оборонной продукции, определяются необходимые материалы, оборудование, здания, передаваемые под госпитали и т. д.

Представляют интерес опубликованные в сборнике сведения о суммах и ценностях, поступивших в Фонд обороны страны от предприятий и граждан Иркутской области. Обычно в публикуемых архивных материалах с подобными сведениями представлены сухие статистические отчеты с конечными итогами. В данном же случае в документах приводятся не только конкретные вклады в Фонд обороны от предприятий, но и личные взносы граждан. Они нередко были в разы выше, чем перечисления от трудовых коллективов. Кроме денег граждане сдавали золотые и серебряные кольца и броши, столовое серебро. Фигурируют такие взносы, как серебряный Георгиевский крест 4-й степени, «2 золотых зуба и 1 коронка».

В отличие от периода Первой мировой, когда сбор средств осуществляли структуры гражданского общества, в годы Великой Отечественной войны данная работа иницировалась «сверху» и осуществлялась по разнарядкам, спускаемым трудовым коллективам. Поэтому типичными выглядят публикуемые в сборнике постановления бюро партийных комитетов, включающие пункт «Обязать партийные, профсоюзные, комсомольские организации развернуть по предприятиям и учреждениям, колхозам и совхо-

зам, общежитиям и домам широкую работу среди населения по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии...» (с. 74). Постановление политотдела 2-го отделения Восточно-Сибирской железной дороги № 63 требует обеспечить принятие решения об отчислении одно-двухдневных заработков каждый месяц до конца войны, о сдаче облигаций в фонд обороны, об отчислении компенсаций за неиспользуемый отпуск и т. п. В отчетах отмечаются не только энтузиазм и желание оказать посильную помощь, но и «бездеятельность и благодушие» в создании фонда обороны — не все поголовно перечислили однодневный заработок либо сделали это с опозданием, либо указали в документах большую сумму, чем перечислили в действительности. Инициатива по оказанию помощи выстраивалась в соответствии с партийными решениями и находила встречный отклик у населения. Контроль за этой работой оправдывался еще и необходимостью предотвратить возможные хищения собранных и перечисляемых средств. А такие случаи, как свидетельствуют документы, имели место (с. 67).

Ряд опубликованных документов позволяет судить о степени вовлечения населения региона, трудовых коллективов в кампанию по сбору вещей. В докладной записке начальника политотдела Южного лагеря НКВД приводятся следующие данные: из 184 чел. вневедомственных работников приняли участие в создании фонда 179 чел., из 271 чел. вневедомственной охраны — 251 человек. В документе отмечается, что у всех, кто не принял участие, были уважительные причины (болезнь, командировка) (с. 87–89). Однако такая динамика вовлечения населения в сбор средств для армии была характерна для начального периода войны. Условия жизни населения заметно ухудшались. Уже в июне 1942 г. областные органы власти вынуждены принимать решение о производстве простейшей обуви на деревянной подошве и простейших тапочек для населения, мобилизуемого на сельскохозяйственные работы (с. 134–135). Эта проблема касалась огромного количества людей. Как следует из опубликованного в сборнике отчета о работе Иркутской областной комсомольской организации в период войны, только

школьников выезжало на полевые работы более 270 тыс. (с. 319).

Ухудшение материального положения населения не могло не сказаться на такой форме помощи фронту, как сбор теплых вещей. В документах середины 1942 г. отмечается, что многие организации в рамках кампании по сбору теплых вещей для Красной Армии ограничиваются сбором денег, а не вещей (с. 153). Тем не менее, в отличие от периода Первой мировой войны, поддержка фронта не только не была свернута, но и принимала другие формы. В частности, это оказание помощи семьям фронтовиков и инвалидам (с. 143-144), сдача картофеля и овощей с личных огородов в фонд Красной Армии (по 20 кг картофеля и 10 кг капусты) (с. 159-160), изготовление кисетов и носовых платков для бойцов (с. 166), сбор подарков для молодых партизан (с. 149) и др.

Как свидетельствуют документы, Иркутская область занималась не только обеспечением фронта, но отчасти была вовлечена даже в решение чисто военных задач. Для защиты участка Кругобайкальской железной дороги было выделено два буксира, которые вооружили зенитными орудиями и зенитными пулеметными установками. Личный состав буксиров укомплектовывался за счет пароходства (с. 59-60). Однако подобный пример создания «военного флота» на Байкале единичен. Регион оставался глубоким тылом и решал иные задачи, главная из них — оказание всесторонней помощи фронту.

Публикуемые в сборнике документы впервые столь широко отражают решение социальных проблем населения. Из-за разрыва хозяйственных связей и переориентации экономики на военное производство возник острейший дефицит товаров первой необходимости. Эта проблема решалась в двух направлениях: через организацию выпуска простейших товаров из отходов основного производства на заводах союзного и республиканского подчинения, а также через создание в районах предприятий, работающих на основе местного сырья. Речь шла о производстве посуды, мебели, простейшей обуви, расчесок и т. д. (с. 135-136).

Документы весьма широко освещают также деятельность по поиску дополнитель-

ных источников питания — организации подсобных хозяйств, развитию огородничества, сбору дикорастущих плодов и др. Все это стало важной составляющей социальной истории региона периода Отечественной войны. Чтобы население области могло производительнее работать, необходимо было, прежде всего, обеспечить воспроизводство самой рабочей силы.

Война сопровождалась ухудшением условий жизни населения, что повлекло формирование нормированной системы распределения товаров и продуктов. Еще до официального введения карточной системы распределения местные органы власти были вынуждены установить нормы снабжения на отдельные продукты. С 22 августа 1941 г. карточное снабжение устанавливалось для населения городов Иркутска, Черемхово, Зимы, Нижнеудинска и Тайшета и распространялось первоначально только на хлеб, сахар и кондитерские изделия. Интересно также отметить, что расходы на содержание карточных бюро должны были нести сами владельцы карточек. Оплата за каждую карточку составляла 10 коп. (с. 70).

В изданном сборнике документов впервые осуществлена подборка материалов, отражающих социальное положение различных групп населения, проблемы в распределительных отношениях. Было бы наивно полагать, что в условиях таких динамичных и масштабных социальных изменений, связанных с оттоком мужской части населения в действующую армию, прибытием эвакуированных, мобилизации людей на выполнение различных работ, не могли возникнуть проблемы в области снабжения товарами и продуктами. Находились и те, кто был не прочь погреть руки на людском горе. Поговорка «кому война, а кому мать родна» находит прямое подтверждение в различных документах. Между тем, многие десятилетия было не принято говорить об этой стороне социальной действительности, как и о других негативных тенденциях, имевших место в период войны.

Областные органы власти стремились держать эти процессы под контролем, реакция на злоупотребления и неспособность местных властей оперативно решать подобные проблемы порой была жесткой. Публи-

кация «политдонесений» о материально-бытовом обеспечении населения приоткрывает завесу над этой стороной действительности. Донесения повествуют, с какими проблемами сталкивались эвакуированные семьи военнослужащих из приграничных округов, приводятся факты откровенно бездушного отношения со стороны руководителей ряда колхозов. Возникало много проблем, связанных с медицинским обслуживанием и прикреплением эвакуированных к определенным торговым точкам. Имелись желающие поживиться на чужом горе, скупая за бесценок их вещи. Причем, как свидетельствуют опубликованные документы, этим не брезговали и представители местной власти в районах (с. 78–80). Всего на конец 1941 г. в область прибыло 14 794 эвакуированных, которые были размещены в 31-м районе области (с. 97–98).

Не обошли вниманием составители сборника и различного рода злоупотребления, факты теневого распределения продуктов и товаров, воровства. По мере распространения карточной системы, развития подсобных хозяйств, продукция которых распределялась руководством заводов и учреждений, злоупотреблений в этой сфере становилось все больше, они принимали системный характер. Конечно, с сегодняшней точки зрения, безнарядный (т. е. не по карточкам) отпуск сухарей «своим» людям не выглядит серьезным проступком, но в тех условиях возможность сытно питаться на фоне голодного выживания большинства являлась фактором социального расслоения. С одной стороны, множество документов свидетельствуют о бедственном положении различных слоев населения, особенно это имеет отношение к семьям военнослужащих и эвакуированных. С другой стороны, документы сборника свидетельствуют о том, что часть населения обладала значительными накоплениями. В конце 1942 г. в области инициируется сбор средств на строительство танковой колонны «Иркутский колхозник». Из информации Иркутского обкома партии в ЦК ВКП(б) по этому вопросу следует, что были колхозники, вносившие по 5 тыс. р. (сумма годовой заработной платы рабочего крупнейшего в Иркутске завода им. Куйбышева), по 10, 20, 50, 60, 100 тыс. р. Ли-

дером по персональным взносам стал председателем колхоза «Унгинский скотовод» Болдонов, который внес из личных сбережений 126 тыс. р. (с. 190–195).

В сборнике имеются и многие другие документы, которые свидетельствуют о серьезной дифференциации в потреблении. Например, на заводе им. Куйбышева в январе 1943 г. отпущенный рацион питания в столовой по группе «комсостав» составлял: по мясу — 3 685 г, рыбе — 1 300 г, лапше — 3 000 г, тогда как рацион рабочих горячих цехов соответственно 900 г, 400 г, 1 290 г, т. е. в разы меньше (с. 213).

Эти факты отнюдь не приуменьшают значение комплекса мер, направленных на социальную поддержку наименее защищенных слоев населения. Только в апреле 1943 г. в Иркутске были дополнительно открыты 6 столовых на 6 500 чел. для семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны (с. 220–221). Речь шла о социальной защите большой группы людей. На конец 1945 г. в области насчитывалось 134 556 семей военнослужащих и погибших воинов, из них 35 640 семей военнослужащих получали государственное пособие, 16 437 семей погибших воинов — пенсию. Кроме этого в области насчитывалось 12 719 инвалидов Отечественной войны, из них 9 856 были устроены на работу, 404 обучались. Не были трудоустроены 587 инвалидов 3-й группы, поскольку по законам того времени они были обязаны работать (с. 313). В данном случае уместно подчеркнуть принципиальное отличие социальной политики периода Великой Отечественной войны по отношению к семьям военнослужащих и инвалидам от аналогичной политики государства в годы Первой мировой войны. Тогда органам власти в регионе не удалось наладить даже учет инвалидов войны, а помощь носила во многом случайный и адресный характер.

Социальная история региона не может рассматриваться вне влияния географического фактора. Огромные пространства, суровый климат, неразвитость коммуникаций, низкая плотность населения не могли не стать дополнительным обстоятельством, влияющим на условия жизни населения. В области имелась лишь одна железная дорога, проходящая через южные районы. От-

дельные районы были удалены от этой дороги на 1 800 и более км. В ряде материалов изданного сборника освещаются различные аспекты этой темы. В выступлении управляющего трестом «Лензолото» на областном совещании партийно-хозяйственного актива 18 января 1942 г. приводятся факты влияния северной среды на производственную деятельность, условия жизни, которые лишь усугубились войной, мобилизацией кадров и техники. Прииски, разбросанные по северной тайге на сотни километров, могли снабжаться только автотранспортом, но на тот период из 140 автомашин в работе были только 13 (с. 107–110). В силу природных причин под угрозой срыва оказался даже завоз бензина в Киренск для обслуживания воздушной трассы, по которой перебрасывались самолеты, поступающие в страну по ленд-лизу. Ледяную дорогу Усть-Кут — Киренск протяженностью 320 км постоянно переметало, а техники, способной ее чистить, не имелось. Порой по этому пути невозможно было проехать в течение 10 дней. По узкой однопутной дороге машины пробивались до Киренска по 7–9 суток, не имея на трассе стоянок для ремонта и отдыха (с. 118–120). Из-за большой удаленности серьезной проблемой являлась и доставка зерна из глубинных районов области.

В северных районах особенно остро стояла проблема кадров, связанная с мобилизацией на фронт. Даже предприятия «Лензолота» на середину сентября 1942 г. оказались укомплектованными рабочей силой лишь на 20–25 %. В результате план золотодобычи за август был выполнен всего на 52,8 %. Возможности же привлечения неработающего населения в северных регионах были крайне ограничены (с. 154–157).

Решение вопросов подготовки кадров, усиления дисциплины, поиска нестандартных решений нашло отражение во многих литературных источниках. Не обошли стороной эту тему и составители изданного сборника документов, посвятив ей удачно подобранный ряд материалов, в которых рассматриваются проблемы применительно к разным отраслям и сферам хозяйственной жизни региона, в том числе оборонного производства. Выход из создавшегося положения органы власти были склонны искать в

ужесточении дисциплины. Тезис о привлечении к ответственности «по законам военного времени» находит отражение практически во всех документах. Составители сборника иллюстрируют это публикацией приговоров военного трибунала, когда за прогул приговаривали к четырем месяцам принудительных работ, а за дезертирство с завода — к 6 годам тюрьмы (с. 112–113).

В документах военной прокуратуры, датированных 7 июля 1942 г., отмечается значительный рост невыходов на работу и случаев дезертирства. В основном это имело отношение к молодым рабочим. Как следует из документа, масштабы проблемы были значительно шире, поскольку администрация не спешила передавать дело в прокуратуру по каждому факту. Например, в справке о подготовке кадров по заводу им. Куйбышева приводятся сведения о прогулах и самовольных уходах с работы, из которых следует, что за первые 10 месяцев 1942 г. по заводу совершено 1 322 прогула и 628 самовольных ухода с предприятия (с. 176). Если бы по каждому делу решение принимала военная прокуратура, на заводе возникла бы серьезная проблема с кадрами. Ответственность за допущенный производственный брак распространялась и на руководителей. Их обязывали непосредственно сопровождать поезда, регулярно присутствовать на местах, вникать в нужды трудовых коллективов (с. 83–87, 98–102, 139–140).

Большое внимание в регионе уделялось подготовке новых кадров. Иллюстрация на примере завода им. Куйбышева позволяет сделать вывод о весьма продуманных мерах материального стимулирования опытных рабочих-наставников.

В отличие от двух предыдущих, новый сборник содержит архивные документы о работе предприятий, занятых производством оборонной продукции. Фонды с подобными материалами стали открываться только сейчас. В 2015 г., в год 70-летия Победы, вышел сборник документов Государственного архива Иркутской области, где представлены аналогичные документы из рассекреченных фондов. Они не несут никаких сенсаций, да и подавляющее большинство предприятий, о которых идет речь, прекратили свое существование в 1990-е гг. Но пуб-

ликация данных материалов, несомненно, обогащает историческую мозаику, позволяет получить более разностороннюю и объективную картину прошлого. В частности, документы дают представление о структуре военного производства.

В годы войны в Иркутской области производились самолеты, горно-вьючные мины, снаряды, патроны, авиационные бомбы, ранцевые и фугасные огнеметы, взрывчатые вещества, а также различные сплавы и смеси, используемые в оборонной промышленности. Технический процесс их производства возлагался на заводы, но к работе также привлекались ремесленные училища и «Лесхимпром», который занимался поставками канифоли, песка, древесного угля и других материалов. Ученые Иркутского госуниверситета разрабатывали специальное оборудование для снаряжения взрывчатых веществ (с. 90-91, 94-96, 160-162). К началу января 1943 г. в области было освоено 15 новых видов оборонной продукции (с. 199).

Следует отметить, что Иркутск за годы войны серьезно нарастил свой экономический потенциал. Если в 1940 г. валовый выпуск продукции по всем отраслям промышленности составлял 411,83 млн р., то по итогам 1942 г. общая сумма равнялась 492,803 млн р., и это без учета продукции местной промышленности, объем которой определялся примерно в 5 млн р. Наиболее значительный рост произошел по тяжелой промышленности, валовый выпуск которой увеличился за аналогичный период с 14,14 до 61,638 млн р., то есть рост за два года составил более чем 4,3 раза (с. 239). Валовый выпуск промышленной продукции по итогам 1944 г. составил к уровню 1940 г. 133,2 % (с. 322). Особо следует отметить развитие местной промышленности, ориентированной в основном на производство товаров широкого потребления. По итогам 1944 г. ее удельный вес составлял 9,5 %. Иркутск в конце войны превратился в крупный промышленный центр Восточной Сибири. В городе насчитывалось 110 основных предприятий, в том числе 20 союзного подчинения. На промышленных предприятиях трудились 60 тыс. рабочих, в высших и средних учебных заведениях города обучалось свыше 30 тыс. чел. (с. 305-307).

Интересно отметить, что в справке уполномоченного Госплана СССР по Иркутской области о развитии народного хозяйства в области с 1938 по 1944 г. не присутствуют обобщающие показатели по сельскому хозяйству. Аграрное производство к окончанию войны находилось в катастрофическом состоянии. Население многих районов области влачило голодное и полуголодное существование. Seriously усугубили положение в сельском хозяйстве и неблагоприятные погодные условия 1943 и 1944 гг. Но при этом колхозы области сдали государству в 1944 г. на 100 тыс. ц хлеба и на 40 тыс. голов крупного рогатого скота больше, чем в 1938 г. (с. 326).

В условиях военного времени не прерывалась культурная жизнь, работали вузы Иркутска. Эта сфера также находит документальное отражение на страницах сборника. Публикуемые архивные материалы свидетельствуют о том, что даже в сложные периоды войны культурная жизнь в области была разнообразной и насыщенной. Например, с 20 по 25 марта 1943 г. в Иркутске по решению обкома партии проходит областное совещание сказителей и фольклористов с участием представителей научно-исследовательских учреждений, работающих в сфере народного творчества (с. 210-211). В марте этого же года создается комиссия по написанию истории Великой Отечественной войны. Ей поручалось организовать сбор материалов и документов, свидетельствующих о подвигах иркутян на фронте и «трудовом героизме в тылу» (с. 216). Такое решение было принято, когда до победы оставалось более двух лет. В мае 1943 г. в Иркутске чествуют Киевский ордена Ленина Академический театр оперы и балета им. Т.Г. Шевченко. Под этим названием в городе работали два объединенных театральные коллектива, киевский и харьковский. Это событие было связано с решением о эвакуации театра в Киев. Более 30 солистов театра были награждены грамотами обкома партии и облисполкома, для премирования артистов выделили 30 тыс. р. и еще 20 тыс. р. — на оказание материальной помощи (с. 265-268). Помимо этого, в сборнике опубликованы документы, характеризующие состояние и проблемы в кинообслуживании

населения, о пребывании артистов из Иркутска на фронтах Великой Отечественной войны и др.

Материалы сборника также отражают динамику развития сети образовательных учреждений. Количество начальных школ в области в 1945 г. в сравнении с 1938 г. увеличилось на 17,5 %, средних — на 13,6 %, численность преподавателей выросла на 12 %. В период войны в области ежегодно выпускалось не менее 500 чел. с высшим и не менее 900 чел. со средним образованием. В высших и средних специальных учебных заведениях в конце войны обучалось свыше 10 тыс. студентов (с. 328).

Впервые данный сборник публикует документы о борьбе с дезертирством и уклонением от призыва на военную службу. Из приведенной статистики по Иркутскому району следует, что случаи дезертирства были единичными и отчасти связаны с религиозными взглядами призывников. По Иркутскому району, самому многочисленному в области, на октябрь 1942 г. в розыске находились четыре дезертира (с. 164-165), за 1942 г. и январь 1943 г. по Зиминскому району были задержаны 54 дезертира и выявлены 147 человек, уклоняющихся от призыва. Абсолютное большинство из них не были жителями Зиминского района, а являлись «приезжающими в г. Зима» (с. 206). Скорее всего, речь идет об эвакуированных, переселяемых в сельскую местность, которые по разным причинам могли не оказаться на учете в районных военкоматах.

Оценивая изданный сборник в целом, отметим, что его составителям впервые удалось на документальной основе наиболее полно и всесторонне отразить социальную историю региона. Конечно, это не историческое исследование, но умение отобрать наиболее важные документы и яркие свидетельства эпохи убедительно характеризуют профессионализм тех, кто проделал эту работу. Многие публикуемые архивные материалы являются, с одной стороны, демонстрацией новых страниц социальной истории,

с другой, свидетельствуют о необходимости глубоких исторических исследований по ряду направлений. Это касается торговли, изучения механизмов и каналов распределения товаров и услуг в годы войны, различных форм теневого распределения, в том числе в рамках карточной системы снабжения, а также работы городских и сельских рынков. Глубокое изучение подобных тем позволит, в частности, прояснить вопрос о социальной дифференциации населения в годы войны.

Во многом неисследованными остаются вопросы социальной политики, организации всевозможной социальной помощи и каналов ее поступления, осуществления контроля и учета. Их изучение предполагает анализ основных направлений, объемов и структуры оказываемой помощи действующей армии со стороны населения (как фактора, влияющего на социальное положение), порядка организации, учета и распределения собираемых средств в пользу эвакуированных, детей, инвалидов войны и других различных социальных групп на территории региона. Пока не нашло отражение в исторической литературе влияние природно-географических факторов на социальное положение населения.

Подобные исследования предполагают обработку и анализ огромного количества первичных документов, которые позволят расширить знания по истории области периода Великой Отечественной войны. Думается, что итогом дальнейшей работы в этом направлении станет формирование тематических сборников архивных материалов, глубоко и содержательно отражающих отдельные стороны социальной истории региона.

Литература

1. Иркутск на фронте и в тылу (по материалам ГАНИ ИО): сб. док. / под ред. С.И. Кузнецова, Ю.А. Петрушина. Иркутск: Оттиск, 2015. 496 с.